



она должна была
согреть его,
но чуть не
сгорела сама

ЯНА ВЕТРОВА

МОТЫЛЬКОВОЕ
ПЛАМЯ

18+

Яна Ветрова

Мотыльковое пламя

<https://litres.ru/74023204>

SelfPub; 2026

Аннотация

АНТИРОМАНС

+ телесная психологическая драма + псевдо-ХІХ век + социальное фэнтези + эстетика красоты/гниения

Где-то далеко, на границе с пустошью, горит по ночам мотыльковое пламя, защищая людей от чудовищ. Но пустошь растёт, пламя гаснет, а шипоноги выходят к людям.

В городе же, в светской Арлетте, юная беззаботная Лилея вынуждена по прихоти родителей стать спасительным огнём для мужчины, которого совсем не знает. Никто не знает. Джон Кушер сбежал в пустошь, а когда вернулся - так и не вспомнил, как жить среди людей.

Попытки Лилеи заполнить пустоту приводят к ошибке, которая изменит весь её мир.

Содержание

Глава 1. Скучный Кушер	4
Глава 2. О любви	14
Глава 3. Белая роза	24
Глава 4. Влюблена в весну	34
Глава 5. Да	43
Глава 6. Последняя лекция	50
Глава 7. Сочувствие	59
Глава 8. Не всё новое	66
Глава 9. Туман	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Яна Ветрова

Мотыльковое пламя

Глава 1. Скучный Кушер

Ленивым утром зимнего дня пылинки лениво парили в лучах солнца, пока по длинному коридору особняка не пронеслась полная женщина в чепчике, устроив пыльный ураган. Она ломилась почти в каждую дверь и, к концу коридора совсем запыхавшись, уже не кричала, а едва хрипела:

— Лилёя, Лилея, да где же ты?

— Она в оранжерее, нянюшка, — со вздохом сказал из-за одной из дверей детский голос.

— Опять рисует! — проворчала нянюшка и поспешила в обратную сторону, шумно вдыхая и выдыхая, поглощая пылинки и порождая всё новые ворчания.

До оранжереи она добралась, уже восстановив дыхание — всё же она была ещё не стара, всего немного за пятьдесят, — поэтому, распахнув дверь, закричала с новой силой:

— Лилея! Я тебя найти не могу! Ты что на полу разлеглась, стол для рисования кому поставили! Тебе восемнадцать, а не восемь! Слишком много с братьями времени проводишь... Волосы в узел, да кто так делает... Ах, бог с тобой, всё исправлю!.. Новости! Младший Кушер вернулся!

— Откуда вернулся? Вик разве уезжал?.. — растерянно проговорила девушка, подняв голову от рисунка.

— Я не о том Кушере... Да на кого ты похожа! — всплеснула руками няня.

— Что? — спросила Лилея и потёрла нос, только размазывая зелёную краску.

— У тебя и губы зелёные!

— Я кисточку облизала, — пожала плечами девушка, — так что там с Виком? Он отказался от сегодняшнего визита?

— Нет конечно! — вновь всплеснула руками нянюшка. — С Виком ничего, говорю же. Джон Кушер вернулся! И приедет сегодня с братом и отцом.

Лилея встала, отряхнула передник, поправила голубое платье. Растеребила пучок, и волосы упали белым в желтизну волнистым водопадом до талии. Она накручивала на палец локон, который тут же впитал зелёную краску, и рассматривала рисунок.

— Джон... — пробормотала она, а потом подняла глаза на няню. — Ах, Джооон! Который вдовец? Бедный. Я думала, что он уехал в пустошь, чтобы там погибнуть за каким-то благородным делом...

— Все так думали, — усмехнулась нянюшка. — А он на днях вернулся и прямо из кареты, говорят, прямо в походном платье, появился в Академию. Ректор его отчитал, слушать не стал. Тогда Джон поехал домой, отмылся, нарядился и, ни с кем не поговорив, снова поехал к ректору. Это мне сейчас

их слуга разболтал, которого прислали с весточкой. Ну что ты там разглядываешь, опять колючки рисуешь?

— Представляешь, нянюшка, пустынная колючка не цветёт в природе. А тут у нас — четыре раза в год. Да ещё и листочки выпускает. Ну не чудо?

— Ох, это ты — чудо! Ну, пойдём! Тебя отмыть надо, накупать, надушить, косу заплести... Ванна уже готова.

Сначала заплетали косу и наматывали вокруг головы, оборачивали в ткань, чтобы при купании не мокла. Потом Лилея погрузилась ванну на львиных ножках, наполненную до краёв горячей водой с ароматными маслами. Потом нянюшка тёрла её мочалкой, а Лилея рассеянно думала о том, что мочалка была живой и плавала в море. Нет, это не та, это губка. Мочалка сначала была жёлтым цветком, потом тыквой... От горячей воды клонило в сон. Молодая служанка смешивала масла с кремом по хитрой схеме и непрерывно зевала. Её блестящие чёрные волосы были так туго затянуты в пучок, что Лилее становилось больно только от одного взгляда на него.

— Так что там про младшего Кушера? — пробормотала Лилея, щурясь от яркого солнца, отражающегося от светлых плиток ванной комнаты, и удивляясь, как капли воды на ресницах ловят свет и создают радуги и лучи только для неё одной.

— Не помнишь? — удивилась нянюшка. — Это тот, который сбежал из дома в шестнадцать лет.

— Вроде старший сбежал?..

— Нееет, то был Гарт Кушер, он не сбежал, а уплыл в экспедицию с женой и пропал без вести. Он был гораздо старше обоих братьев, у него остались двое детей. Вик теперь за старшего, ну ты знаешь, деловой.

— Стеснительный, — ухмыльнулась Лилея. — Даже не танцует с Ириссой, пока она сама его не уговорит.

— Это хорошее качество для будущего мужа. И Ирисса засиделась, — строго сказала нянюшка. — Правильно, что хоть тебя на учёбу не отдали... Ну-ка ногти покажи! Все в краске! Где щётка?..

— Так что там с...

— Что-что... Вику двадцать семь, Ириссе двадцать пять. У твоей матери в этом возрасте уже было две дочери!

— Да я про...

— Про Джона, да. Сбежал в Пустошь, к егерям. Спустя три года вернулся. Мать его за это время поседела — потерять двух сыновей! А как он появился, так у неё последние чёрные волосы побелели.

— А-а-а, вспомнила! — воскликнула Лилея. — Он же привёл жену.

— Женщину! — вставила служанка.

— Молчи, Шеана, — шикнула на неё нянюшка. — Ну да, женщину лет на десять его старше. Уже беременную. Семейству Кушер только в одном повезло — она оказалась из какого-то богатого рода, вроде с юго-запада... Её родствен-

ники быстро объявились с благодарностями и подарками — оказалось, что Джон её спас от похитителей. Хотя мне одна подружка нашептала, что похитителей там не было, она сама из дома сбежала и жила на границе. Так что подарки были очень щедрыми, чтобы все помалкивали. Свадьбу быстро сыграли, без гостей. Так, по десятку родственников с каждой стороны. Джон вернулся к учёбе, только вот через полгода его жена умерла в родах, и младенец за ней через сутки последовал. Джон погрузился в учёбу, поговаривают, вообще не спал. Сдал за год трёхлетнюю программу. Ему место в лектории обещали, а он добился, чтобы его взяли в экспедицию в пустошь, всё в обход отца. Его мать тогда совсем сдала...

— Да нормально с ней всё, — буркнула Шеана.

— Ты крем лучше взбивай, — прикрикнула нянюшка. — Что-то я не слышу, как венчик бьётся о банку!

Лилея растопырила пальцы на правой руке — смешные какие, от горячей воды опухли и порозовели! — и загибала по одному:

— Так это ему сейчас... Шестнадцать, три, ещё два, теперь год... Двадцать два?

— Где-то так... Самое большое — двадцать три. Ну, вылезай, будем тебя умамливать и ароматизировать!

В зал Лилея вплыла вслед за матерью и сестрой. Её немного мутило: пока её собирали, она пропустила обед, а потом

наелась яблочного варенья со свежим хлебом и зачем-то за- пила сидром. Мать плыла лебедем, в сером платье, слишком пышном, старомодном, с тонким зелёным бантом у высоко- го кружевного ворота. Тёмные, щедро разбавленные сединой волосы собраны в строгий узел. Ирисса, тоже брюнетка, бы- ла в синем платье модного фасона, с белым бантом, а тол- стую косу сестры игриво украшал белый цветок из оранже- реи, который очень прозрачно должен был намекнуть Куше- рам, что кое-кому пора поспешить с предложением. Лилею, единственную в отца блондинку, нарядили в голубое платье с зелёной лентой — получилось в цвет переменчивых глаз. Как-то няня проболталась, что был ещё ребёнок со светлы- ми волосами, мальчик, между Ириссой и Лилеей, прожил немногим более трёх лет. И призналась, что решила именно тогда, что своих детей у неё точно не будет, раз даже за чу- жих так сердце болит.

Мужчины должны были скоро появиться — они обсуж- дали дела в кабинете у отца, генерала Созла. Тем временем мать рассадила дочерей так, чтобы подчеркнуть достоинства и скрыть недостатки: Ириссу у фортепьяно, чтобы она мог- ла пересесть и сыграть что-то модное, а Лилею — подаль- ше от окна, чтобы не отвлекалась; подальше от стола с уго- щениями, чтобы не тянула в рот всё подряд; подальше от книжного шкафа, чтобы никто, не дайте небеса, не подумал, что она, как старшая, Азалия, увлечена науками. Получи- лось, что лучше всего Лилее было сидеть рядом с матерью,

на кушетке с изогнутой спинкой и неудобным низким подлокотником.

Лилея была недовольна — она потерялась на фоне синне-зелёной полосатой обивки, а вышитые прямо по атласу неумелым крестом алые розы окончательно отвлекали внимание. Только бы не спросили, откуда такая экстравагантная выдумка!.. Только бы мать опять не начала со смехом рассказывать эту до тошноты надоевшую Лилее историю!

Лилея немного покраснела, и от воспоминаний, и от сидра, хотела посмотреть в окно, да хоть на эти унылые чёрные ветки и мрачные прогалины в тающем снегу, но тогда пришлось бы всем телом повернуться, наклониться — матушка всё собой загородила.

Поэтому, пока мать тихо переговаривалась с Ириссой, Лилея развлекалась тем, что представляла себе Джона Кушера. Он должен быть высоким, подтянутым, даже мускулистым. Ведь ходил с егерями по пустоши! Волосы немного растрёпаны, ведь он — бунтарь. Может, он хромает? Или у него нет мизинца?.. Возможно, у него есть шрамы от сражений с чудищами или после падения со скалы. Но не на лице, конечно. Лицо должно быть с острыми скулами и печатью пережитой трагедии. Правда, у Вика острых скул не было, но так он и не переживал, и не сбегал... Лилея настолько замечталась, что не услышала шагов в коридоре и очнулась, только когда слуга открыл дверь.

Первым зашёл отец с аккуратно подстриженными только

сегодня утром усами и в зелёной генеральской форме, за ним — господин Норберт Кушер в очень синем, очень модном костюме, слишком молодёжном для его годов. Потом, конечно, Вик, который сразу же нашёл взглядом Ириссу и заулыбался. А самым последним...

Тогда-то Лилея чуть не воскликнула «А где же Джон?!»

Потому что человек, которого представили Джоном Кушером, совсем не был похож на того героя, которого она себе вообразила.

Он был, конечно, в траурном чёрном. Тёмно-пепельные волосы, как у всего семейства, были зализаны назад таким количеством помады, что блестели на солнце, как начищенный котелок, оттеняя неулыбчивое лицо. Очень скучное, непримечательное лицо с тонким носом и хмурыми бровями, да ещё и пятнами какими-то на лбу и у левого глаза.

Джон Кушер всё-таки дежурно улыбнулся дамам, сопроводив знакомство с каждой кивком. Он сел на вторую кушетку, приличного вида — без роз, а рядом устроился его брат. Их отделял от дам низкий столик, предназначенный для неформальной чайной церемонии. Господин Кушер-старший остался стоять за спинами сыновей, отказавшись от предложенной отцом сигары. Повеяло терпким дымом — это генерал Созл отошёл к окну и закурил. Хороший знак — значит, обсудили дела, и всё улажено. Лилея любила и уважала отца, пусть он и был к ней холоден. Ей иногда казалось, что он видит в ней неполноценную копию умершего первого

сына... Но разве сейчас это важно! Отец явно договорился о помолвке Ириссы! А значит, скоро свадьбы! Лилея заулыбалась и краем глаза заметила, что Кушер-младший смотрит на неё. Она опустила взгляд и разгладила платье.

— Сейчас подадут чай с пирожными, — объявила мать.

— К нам присоединятся ваши очаровательные сыновья, госпожа Флория? — спросил Кушер-отец.

— У Тома время сна, — улыбнулась мать, — и он ещё слишком мал, чтобы спокойно сидеть и наслаждаться чаепитием. А Тео вчера наозорничал и теперь примерно наказан.

— Спокойно сидеть он сейчас тоже не сможет, — выпустив облако дыма, — усмехнулся отец. Без спросу ушёл из дома, заблудился, замёрз... Как отогрели, я ещё ему точечно жару добавил.

Все засмеялись, кроме Джона, который, кажется, просто не умел этого делать, и Лилеи, которая с запозданием растянула губы в улыбке. Воспоминания морозили душу. Тео уже был дома, но страх не увидеть его больше живым как проник в сознание, так и не хотел отпустить.

Принесли пирожные, и Лилея поспешила схватить прямо рукой шоколадное, пока мать не перегородила ей доступ к этажерке. Мать сделала ей молчаливое замечание одним только движением бровей, но девушке было всё равно — при гостях ругать не будет, а вроде никто и не заметил. Джон так сосредоточенно размешивал сахар в чае, как будто от этого зависела судьба Альянса, а Вик переглядывался с Ириссой,

весь раздумянулся, улыбался во все зубы — уже даже и во все неприлично.

Мать кивнула Ириссе, чтобы та начала уже играть на фортепьяно, и Ирисса начала какую-то старинную мелодию, не решаясь больше обернуться на Вика, который в свою очередь вилкой на своей тарелке нервно крошил безе в пыль. Обсудили снегопад, обменялись новостями о соседях. Рассуждали об урожае яблок — плодородный ли год, удастся ли изготавливать сидр в хороших количествах и не придётся ли закупать сырьё. Потом ещё почему-то овцы, что-то про сезонную стрижку... Вынырнув на мгновение из грёз, Лилея отметила, что заговорили о гаснущем мотыльковом пламени, а потом о перемещении из-за этого вращающих колёс... Что-то про добычу воды и орошение полей... Она слишком погрузилась в свои мысли, чтобы понять, как до этого дошла беседа, которая, впрочем, была ей совершенно не интересна.

Глава 2. О любви

Пока Ирисса играла, а Вик уничтожал десерт, Лилея думала о любви.

Брат вчера под утро выбрался из дома — говорил потом, что хотел посмотреть зимний рассвет в снегу. Снега навалило позавчера небывало много, а днём бы он весь потаял. Увидев, что небо чистое, алое, такое неправдоподобное, расчерченное чёрными ветвями спящего леса, Тео, десятилетний дуралей, накинул свитер на пижаму, утеплил домашние тапочки шерстяными гольфами, завернулся в плед и в таком виде вылез в окно.

Где он бродил — он не мог сказать. Его, закоченевшего, с промокшими ногами, потерявшего один тапочек, подобрал фермер, ехавший в город с молоком на продажу. В особняке как раз начался переполох, когда нянюшка пришла будить Тео к урокам и нашла пустую постель и замороженную комнату с открытым нараспашку окном. Уже изучали следы в снегу, генерал послал гонца в город за солдатами... Фермера щедро вознаградили, а Тео растёрли спиртом, ноги грели в горячей ванночке с травами, хотели растирать маслом с перцем — мальчика всё трясло, — но пришёл генерал, молча забрал сына.

Тео потом сказал Лилее, когда она гладила его по голове и вытирала слёзы, что он так старался не кричать, что два раз

потерял сознание от напряжения. Он плакал, потому что боялся, что теперь отец его не любит и отправит на пустоши к преступникам на добычу воды. Лилея ему сказала, что отец его точно любит, иначе не наказал бы так строго. Сильный страх извращает любовь, и тогда хочется причинить любимому человеку такую сильную боль, чтобы он понял, как тебе было плохо.

— Это он меня так сильно любит? — удивился Тео. — Лили, если ты меня тоже любишь, то просто скажи!

Лилея рассмеялась, поцеловала его в макушку и сказала: — Люблю тебя!

— А я тебя! — и легонько дёрнул сестру за косу. — Никому не дам тебя обидеть. Ни тебя, ни Ириссу, ни Тома, ни Азалию. Отцу потом скажу, когда остынет, чтобы и не думал вас обижать. Извини, что я раньше дрался с тобой, ладно?

С Ириссой братишка немного опоздал, лениво думала Лилея, укачанная волнами мелодии, которую выводила сестра на фортепьяно, одурманенная сидром и сахаром, загипнотизированная стуком вилки о тарелку, утомлённая скучными разговорами.

Лилея тогда была ещё совсем ребёнком, а Тео только исполнился год. Ирисса переживала трудные подростковые годы, точнее, делала трудными годы всех окружающих — рыдала без причины, орала на слуг, потом стала орать на мать. Не орала только на отца. Ну и на Азалию, да только потому, что та тогда уже не жила в особняке. Ирисса била посуду, в

приступах резала любимые платья, громила оранжерею, от чего плакала маленькая Лилея. Мать уговаривала всех, что это пройдёт, что вторая дочь растёт страстной женщиной, это надо переждать, а потом все будут только рады, когда ей найдётся достойный мужчина, который сможет оценить её нрав по достоинству.

Для генерала Соэла это не стало уважительной причиной, когда во время семейного обеда Ирисса расстроилась из-за какой-то ерунды, кажется, слишком большого куса картошки в супе, и дёрнула скатерть так, что все тарелки, все приборы, всё-всё полетело на пол, а что-то — на колени сидящих за столом, среди которых была и уважаемая Бони Соэл-Круз, сестра генерала Балазара Соэла и жена ректора Академии Оливера Круза.

Генерал Соэл тогда встал, молча вытащил визжащую дочь из-за стола за волосы, увёл на конюшню и выпорол вожжами. Из столовой через открытые окна было слышно, как Ирисса кричит, как умоляет, как визжит, как задыхается.

Лилея запомнила только белую салфетку, которую мать мяла в руках, и звук ложки о тарелку, которую невозмутимая госпожа Соэл-Круз успела схватить за секунду до катастрофы, тем самым сохранив и свой наряд, и свой обед.

Ещё Лилея запомнила липкое, ледяное чувство страха. Как потом слуги ходили на цыпочках. Как у Ириссы поднялся жар, а отец не отходил от её постели и ничего не ел. Как на третий день позвали доктора, потому что Ирисса бреди-

ла. Когда через неделю она начала узнавать родных, Лилея в первый и в последний раз видела слёзы в глазах отца.

Ириссу отдали в Академию, где уже училась Азалия. Каждое утро её отвозили в город, а вечером привозили домой. Она, совсем не такая усидчивая, как старшая, не увлечённая книгами и наукой, усердно занималась, чтобы чаще ловить нежный взгляд отца и его ласковую улыбку. Как сейчас, замаскированную усами и сигарным дымом.

Лилея знала, что потом отец просил прощения и у дочери, и у жены. Лилея также знала, что он попросит прощения у сына. Ещё Лилея знала, что её он тоже любит, просто иначе. Она была промежуточным ребёнком, родившимся после смерти первого сына в надеждах на мальчика. Разочаровав всех своим рождением, Лилея как будто была сразу отставлена на коллекционную витрину, как чашка со сколом — красивая, любимая, но без планов на использование. Её баловали, ей почти всё разрешали. Она старательно, ради отца, вытянула минимальную образовательную программу с учителями: освоила письмо, которое интересовало её только как дополнение к рисованию; читать не любила; математика была бесполезной, история — скучной; от фортепьяно болели запястья. Она научилась только играть на флейте. Зато рисование было её страстью — и ей наняли лучшего учителя в городе.

Жизнь была лёгкой, полной радостей, но иногда Лилея встречалась взглядом с отцом и не видела в его глазах... ни-

чего. И тогда что-то липкое и холодное сжимало сердце. Сегодня же она радовалась за счастливую Ириссу, за румяного Вика и верила, знала, что и на неё кто-то будет смотреть с таким же восхищением.

Лилея моргнула и перевела взгляд на мутного Джона Кушера, который не притронулся к пирожным, не допил чай и что-то монотонно говорил о расчётах и картографии. Точно ли этот Кушер сбежал когда-то к егерям?.. Или это очередная глупая сплетня от служанок? Только бы не зевнуть!

Она окончательно очнулась, только когда мелодия сошла на нет, но прежде, чем была поднята новая чрезвычайно важная тема, Вик поднялся и хрипло спросил:

— Могу ли я осмелиться украсть Ириссу на несколько минут, генерал Соэл, госпожа Соэл?..

Когда Вик с Ириссой вышли, отец уселся за крутящийся стул у фортепьяно, нажал на пару клавиш, усмехнулся, а Кушер-старший подсел к Кушеру-младшему и что-то прошептал тому на ухо. Джон похлопал себя ладонью по бедру и коротко кивнул.

— Вы играете, госпожа Лилея? — спросил он, как будто ему совсем не было интересно.

— Я играю на флейте, — ответила Лилея, чинно держа руки на коленях.

Кушер-старший кашлянул, разбивая неловкую паузу.

— Вы учитесь? — так же бесцветно спросил Джон. — Мне сказали, что ваши сёстры посещают Академию.

Лилея приподняла брови — не знала, что на это ответить. Никто ещё не задавал ей такого вопроса, ведь это было само собой разумеющимся — она прекрасно рисует, пишет, читает и может сосчитать стежки на вышивке. А работать ей никогда не придётся, с отцовским-то состоянием!

— Лилея занимается рисованием, — ответила за неё мать. — Не отдавать её на учёбу было нашим лучшим решением! Старшим девочкам это счастья не принесло, только головные боли. Лилея не приспособлена для таких нагрузок!

— Не скажи, дорогая! — подал голос отец. — Азалия вышла замуж за одного из лучших учёных Альянса, а Ириссе привили дисциплину и внимательность.

Господин Кушер-старший ухватился за его слова:

— Так почему бы Лилею не посещать Лекторий? Джону как раз предложили должность лектора, он будет рассказывать студентам о пустоши.

— О сборе данных и систематизации без привязки к... — поправил было Джон отца, но тот прервал его:

— Джон! Не забивай дамам головы, ты лучше подтверди — о пустоши тоже расскажешь.

— Да, отец, — бесцветно согласился Джон, а после покашливания Кушера-старшего посмотрел на Лилею и добавил: — Я буду рад увидеть вас в числе слушательниц, госпожа Соэл.

Лилея очаровательно улыбнулась, уверила, что о пустоши готова слушать что угодно, даже систематизацию, если рас-

сказывать будет тот, кто провёл там немало времени и видел все её невероятные ужасы своими глазами.

Джон напрягся и похлопал себя ладонью по бедру.

— Ты же не возражаешь, дорогая Флория? — улыбнулся генерал жене, а та ответила, что Лекторий — это другое дело, но никаких экзаменов для её прекрасного цветка.

Лилею немного отпустило. С начала разговора она внутренне сжалась, вспоминая, как плакала Ирисса, не сдав очередной экзамен. А Азалия, хоть и жила с мужем в городе, даже в гости к родителям приезжала с чемоданом книг — готовилась получать учёную степень. Лекторий — это и правда другое дело. На лекциях, должно быть, можно помечтать или тихонько порисовать, пока никто не видит.

Вернулись Вик и Ирисса, радостные, держась за руки, а Лилея поняла — целовались. Надо будет расспросить сестру вечером.

Ирисса продемонстрировала кольцо с сияющим камушком на пальце, не сдержалась, расплакалась, мать вскочила и заплакала тоже. Отцы кивали друг другу, Кушер-старший поднялся и пожал среднему сыну руку, и только Джон безучастно смотрел в окно. Ах, и ну его, что за зануда! Конечно, горестей в жизни хватает, но надо о счастливых вещах думать — тогда и жить будет проще! Лилея встала и обняла сестру с матерью.

Принесли ещё чаю, а отец достал бутылку абрикосовой настойки и разлил по рюмкам. Лилея вдохнула аромат — спирт

защекотал нос, она чуть не чихнула, зажмурилась и залпом выпила свою половинку порции. Сразу почувствовалось лето! Тепло в груди, прохладная трава под ногами, цветы, цветы вокруг. А скучный Кушер — так она решила звать Джона — только пригубил.

Когда настала пора прощаться, гораздо позже, чем предписывали правила этикета, но гораздо раньше, чем помолвленной парочке хотелось бы, Кушер-старший толкнул Джона, и тот выдавил:

— Вы будете на приёме у Эвансов, госпожа Лилея?

— Я пока не...

— Да, она будет, — твёрдо сказала мать. — И заезжайте в любое время, милый Джон — хоть с братом, хоть один. Лилея покажет вам свои рисунки — они чудо как хороши.

Вечером Флория зашла в спальню к Лилею и застала там и Ирису. Сёстры в ночных платьях, с распущенными волосами, валялись на кровати, ели оставшиеся с чаепития пирожные и болтали. Лилея ужасно обрадовалась, что мать не пришла раньше — новоиспечённая невеста в подробностях рассказывала, как Вик целовал её (страстно и по-взрослому), где при этом были его руки (не там, где обычно, а ниже талии) и что она почувствовала, как его естество стремится к ней. Хорошо, сказала сестра, что их не познакомили десяток лет назад и что у Вика уже точно были женщины. И сама она не юная девочка, постепенно узнала всё, что только можно, от служанок. Для брака нет ничего хуже неумелости в посте-

ли. Она даже пообещала после медового месяца всё рассказать сестре подробно. Лилее стало неловко, и она перевела тему на кольцо — какой великолепный прозрачный камень, как сияет, а как, должно быть, искрится на солнце!

Когда зашла мать, Лилея смеялась над скучным Кушером и рассказывала сестре, как, увидев его, чуть не удивилась вслух, до того он не был похож на образ, нарисованный воображением. Мать тяжело вздохнула:

— Лилея, будь снисходительнее к этому несчастному юноше! Мы только можем догадываться, через что он прошёл.

— Но это был его выбор, мама! — удивилась Лилея. — А теперь его выбор — не улыбаться и говорить по подсказке отца!

— И где ты берёшь эти глупости, Лилея, — нахмурилась Флория. — Быть может, посещение Лектория и правда не повредит тебе. Зайди завтра к отцу, он составит тебе план занятий — начало семестра совсем скоро. И завтра же помой волосы к приёму. Я заметила у тебя в косе сухую веточку, это безобразие. Ирисса, я вообще-то тебя искала, пойдём, мне нужно поговорить с тобой о серьёзных вещах.

— Вряд ли его выбором было потерять жену, Лили. Подумай, — шепнула на прощание сестра.

И зачем об этом думать, удивилась Лилея, но вслух сказала:

— Хорошо, я подумаю. Спокойной ночи, Рис! Спокойной

ночи, мама! Люблю вас!

Глава 3. Белая роза

Утром перед приёмом Лилея рисовала в оранжерее, сев на подоконник — только тут было достаточно света. День был серый, дул холодный ветер, так что пришлось накинуть меховую накидку. Няня ругалась, но принесла горячего чая. Лилея так увлеклась, что не заметила, что мать зашла. Краем глаза увидела, повернулась — Флория стояла, сложив руки у живота и с улыбкой наблюдала за дочерью. Лилея улыбнулась в ответ.

— Какой тут самый красивый цветок, Лилея? Кроме тебя, конечно!

— Каждый день разные, мама! — рассмеялась девушка.
— На этой неделе розочки все в цвету — розовые, белые и жёлтые. Вот, смотри!

Он отложила альбом и кисточку, повела мать к кусту:

— Эта особенно чудесна, будет белый шар, как безе, когда до конца распустится!

Флория наклонилась и быстрым движением срезала цветок.

— Мама!.. — воскликнула Лилея.

— Ну, ну, неужели будешь плакать из-за цветка? Куст родит ещё. А эта — тебе в волосы сегодня.

— Белая? — удивилась девушка, вытирая слёзы. — Ты уже хочешь искать мне жениха?

Флория почему-то усмехнулась.

— Тебе уже восемнадцать, Лилея. Я не хочу, чтобы ты засиделась, как старшие.

— Я думала, у меня ещё есть время...

Мать рассмеялась:

— На что тебе время? Замужем, пока дети не появятся, никто не помешает так же точно рисовать и гулять по саду.

В экипаже Флория инструктировала дочерей: Ириссе полагалось вести себя скромно и находиться как можно дальше от Селена Эванса, который был её несостоявшимся женихом. Обид не осталось — они совершенно не сошлись в главном интересе. Ирисса опасалась лошадей с тех пор, как несколько раз упала в детстве, а юноша был слегка на них помешан. Теперь же Селен давно состоял в браке, но в связи с помолвкой Ириссы матери казалось важным, чтобы дочь не давала ни малейшего повода для сплетен. О Селене ходили слухи, что, пока жена беременна, а она почти всегда была беременна, он ищет женского внимания на стороне и даже не брезгует посещением публичных домов. Не ехать было нельзя — Эвансы были давними друзьями Кушеров, а Джон и Селен были когда-то, до побега Джона, лучшими друзьями.

Лилее же было наказано быть игривой, но в меру, мечтательной, но не засыпать, общительной, но без этих её глупых мыслей, и обязательно, обязательно! потанцевать с младшим Кушером. Отец молчал и кивал, может, и не слушал вовсе,

а мать качала головой и причитала:

— Я боюсь, что над бедняжкой будут потешаться — не напрямую, конечно... Но он после возвращения в свет и не выходил вовсе! Ему будет непривычно... А твоя доброта должна помочь ему, а также смягчить сердца обладательниц змеиных языков.

Лилея благоухала ароматом роз, сияла жемчужными бусами и широкой улыбкой. Зелёное платье было опасно открытым — низкий вырез оканчивался облаком кружева. Девушка радовалась, что чудовищная мода на корсеты, о которой рассказывала одна из самых старых служанок дома, давным-давно сгинула, и можно просто дышать, танцевать и улыбаться, не рискуя свалиться в обморок.

Она узнавала светлые кудри Селена среди гостей, а его жена Аура проплывала мимо бледной тенью — она была глубоко беременна и страдала от головных болей.

Сколько же раз к Лилее подходили, приглашали на танец — всё эта роза в волосах! Более явно можно было намекнуть, только выкрикнув, что Соэлы ищут жениха для младшей дочери. Лилея с радостью принимала приглашения — она и не знала, сколько прекрасных молодых людей живёт в окрестностях! Все обходительные, улыбчивые, прекрасные танцоры.

Чудные тоже были: когда Лилея разглядывала старинный женский портрет, к ней подошёл юноша и, заикаясь, спросил:

— Вы интересуетесь вином?

— Нет... — поразились Лилея и только тут заметила рядом столик с выставленными на нём тремя пузатыми бутылками.

— Семейство Эванс владеет виноградниками, — сообщил юноша. У него была воспалённая кожа, несчастный взгляд, да и вообще он был слишком юн для кандидата в женихи.

— Я рассматриваю картину. Видите, как тут интересно выписаны жемчужины на воротнике? А ещё я заметила жирную навозную муху на букете в её руках, видите?

— До свидания, — сказал юноша и чуть ли не бегом скрылся в зале.

Лилея расстроилась. Наверное, стоило поддержать разговор о вине и виноградниках. Или хотя бы о сидре, производством которого был в последние годы так увлечён генерал Соэл. Лилея хотела развеяться и насладиться другими картинами, но тут её заметил отец, окружённый всеми Кушерами, и поманил пальцем.

Музыканты как раз готовились играть новую мелодию, Кушер-старший похлопал Джона по плечу, и тот сделал нерешительный шаг к девушке.

— Позвольте ли пригласить вас на танец, госпожа Лилея?

Он танцевал сносно, но был чрезвычайно зажат. Лилея казалось, что её ладонь лежит в ладони деревянного манекена. Он и молчал, как манекен, тогда как другие партнёры по тан-

цу старались её насмешить или развлечь. Она подняла глаза и столкнулась с его взглядом.

— Вы хорошо танцуете для того, кто ни разу не выходил в свет, — похвалила она этого невыносимого человека, хотя это его делом было говорить ей комплименты.

— Вы слишком добры.

— Вы, вероятно, ещё мальчиком брали уроки танцев у прекрасного учителя.

— Да.

Лилея немного разозлилась, но не оставила попыток:

— Я слышала, что вы с Селеном Эвансом были лучшими друзьями в детстве. Хотя он старше вас. Как сейчас складываются ваши отношения?

— Мы... да, — выдохнул Джон, как будто ему уже всё это дико наскучило. — Селен пригласил меня на конную прогулку.

— Полагаю, вы поедете по долине Гансы, через лесок и яблоневые сады? Это самый красивый маршрут в нашем захолустье!

Джон даже не улыбнулся, а Лилея уже завелась и, надеясь, что порадует матушку, продолжила:

— Тогда вам будет по пути заехать к нам на чай. Я покажу вам мои акварели. Я видела здесь прекрасную картину с огромной мухой! Хотите посмотреть?

Она сразу пожалела, уже в том момент, когда эти необдуманные слова срывались сами собой с её уст. Но губы Джо-

на дёрнулись, словно он чуть было не вспомнил, что такое искренняя улыбка.

После танца Лилея отвела его к картине с какой-то женщиной... нет, конечно, не просто женщиной — с какой-то важной дамой из рода Эванс.

— Почему вас заинтересовала муха, госпожа Лилея?

— Потому что это загадка. Муху не заставишь часами сидеть на цветке и позировать. Можно, конечно, приклеить мёртвую... — девушка сама удивилась новой идее и замолчала.

— Ну вот и разгадка, — сухо ответил Джон.

— Нет, загадка не в этом! — воскликнула Лилея, возмущённая его тугодумством. — Загадка в том, что это значит. Почему навозная муха? Почему дама с портрета одобрила этот символ? Вы же видите, она немолода, но в её руках — светлые розы среди белых гвоздичек, похоже на свадебный букет. Почему навозная муха?

— Ты беспощадно наблюдательна, дорогая Лилея, — раздался смеющийся голос.

Девушка обернулась:

— О, Селен! Как я рада! — и чуть было не продолжила, что рада тому, что тот прервёт это её кошмарное взаимодействие с Кушером, которое и беседой назвать-то нельзя, но вовремя остановила себя: — Рада комплименту из ваших уст!

— Мы же всегда были на «ты», — рассмеялся Селен. — Правда, не виделись мы давненько... Какую шикарную косу

ты отрастить успела!

Девушка залюбовалась — пополневший в браке, молодой мужчина всё равно напоминал ангела с росписей в храме. Слухи о нём грязны, но кто же в здравом рассудке поверит в них!

— Как скажешь, — легко пожала плечами Лилея. — Спасибо! Ты мог бы и сам отрастить свои кудри до такой длины.

— ...и дал бы повод детям чаще дёргать меня за волосы! Нет уж!

Лилея с рассмеялась тоже, только Джон стоял истуканом.

— Что до портрета, — продолжил Селен, сделав глоток красного вина из бокала, — это забавная, с какой-то перспективы, фамильная легенда. Портрету больше ста лет, и на нём изображена Присцилла Эванс. Она изменила мужу с его лучшим другом. Когда правда всплыла на поверхность, муж застрелил друга на дуэли. Разводы тогда были редкостью, да и он простил свою любимую Цилли. Но в напомиание заказал этот портрет.

— Это не забавная история, а отвратительная — с любой перспективы, — возмутилась Лилея.

— Селен, такие истории девушкам не рассказывают, — внезапно поддержал её Джон.

— Ты же не обиделась, моя прекрасная подруга?

— Нет-нет, — помотала головой Лилея. — История поучительная, здесь есть над чем подумать!

— Ты меня утетила! Но рискну обидеть тебя второй раз:

я должен похитить Джона.

— О... — только и смогла вымолвить девушка, а про себя подумала: «О боже милосердный, спасибо!»

— Джон сейчас будет открывать со мной наш новый предмет коллекции!

— Селен, послушай, я не хочу внимания...

— Слушать даже не собираюсь! Тебя это позабавит, поверь! Ты как во льду, размораживаться надо!

Лилея была с этим согласна.

Селен увёл Джона к столу у стены, где что-то было скрыто алой тканью и с начала приёма вызывало любопытство гостей. Селен постучал перстнем по бокалу, и все взгляды устремились на него. Стало тихо, только шёпотки пробегали волнами. Лилея слышала — это обсуждают Кушера-младшего. Он стоял, глядя в пол и заложив руки за спину.

— Внимание! Дорогие гости! Сегодня я делаю первый шаг в продолжении коллекции моих родителей. Все вы знаете, а кто не знает — окиньте взглядом стены, — что мои отец и мать любили всем сердцем искусство, но не простое, а с червоточинкой. Статуи с изъянами, картины с двойным дном, внушающие страх истории на переписанных от руки листах... Я же делаю шаг дальше в тьму. Я буду собирать такие же будоражащие истории, но не придуманные. Я буду приглашать художников, готовых взглядеться в душу человеку и изобразить её со всей внутренней гнилью. А что до статуй — зачем они, если природой создано что-то более заво-

раживающее и пугающее? И первый шаг помог мне сделать мой дорогой друг, Джон Кушер, дважды побывавший в пустоши, но не бежавший в страхе, а вернувшийся победителем! Мой дорогой Джон великодушно подарил мне свой легендарный трофей!

На этих словах он сдёрнул ткань, заставив публику охнуть и отступить.

На постаменте в цепкой хватке металлических прутьев стояла длинная, в два человеческих роста, толстая чёрная палка из трёх сочленений, завершающаяся хищно выставленным из округлой пластины когтем. Лилея нахмурилась и оглядела зал. Неужели она одна не понимает, что это?

— Коготь шипонога!

Зал разразился аплодисментами, все разом заговорили, качнулись вперёд, и у девушки разболелась голова.

— Джон, прошу, поведай нам историю битвы с этой легендарной тварью!

Джон коснулся левой рукой лба. Может, тоже заболела голова от шума?.. Лилея поискала мать и Ирису и заметила их у камина. Она принялась пробираться через толпу, которая неохотно расступалась, чтобы не потерять место с хорошим видом.

— У поселения погасло мотыльковое пламя, — проговорил Кушер. — К нам подошёл шипоног. Мне пришлось его...

Лилея то ли не услышала, то ли он замолчал.

— Но говорят, шипоноги крайне живучи! — сказал мальчишечий голос. — Его нельзя уничтожить!

— Всё можно уничтожить, — сказал Джон Кушер.

Из зала что-то выкрикивали, вопросы, комплименты, а девушка ринулась к матери и чуть ли не в слезах сказала ей, что случайно пригласила и скучного Кушера и, кажется, Селена Эванса на чаепитие.

Глава 4. Влюблена в весну

Госпожа Соэл, конечно, не стала дожидаться, чтобы два молодых человека просто так прискакали в особняк после прогулки, и в тот же вечер похлопотала и организовала визит официально.

Они чинно посидели, Кушер, Эванс, мать и Тео, гордый за то, что его позвали наравне со взрослыми. Лилея даже сыграла на флейте. Акварели показывать не стала — знала, что Селен будет шутить. Он-то владел масляной живописью на профессиональном уровне, в юности учился в столице у лучших мастеров. Изображал, правда, исключительно коней в различных ситуациях. Ирисса по секрету рассказала сестре, что Селен, когда их пытались свести родители, уже на третьем свидании повёл её к себе в мастерскую и показал не только картины со статными жеребцами, мирно пасущимися кобылами, неуклюжими жеребятами, но и полотна, показывающие, как жеребцы и кобылы этих жеребят производят, а также производственные органы в подробностях. Матери Ирисса этого не сказала, а смущать младшую сестру было её любимым занятием после того, как она перестала с ней драться.

В следующий раз Лилея всё-таки показала скучному Кушеру свои рисунки. Он перебирал листы с розами и лилиями, как будто это были унылые финансовые отчёты, и Лилея,

разозлившись и желая его растормошить, решила показать свои эксперименты, которые матушка не одобряла.

— Вот, взгляните.

— Синяя роза, — с ноткой удивления произнёс Джон. — Ваш садовник вырастил такую?

— Нет, я её вообразила! — улыбнулась Лилея, обрадованная, что добилась реакции. — Иногда я воображаю себе разные несуществующие вещи, а потом мне кто-то говорит, что они существуют или я вижу их по-настоящему.

Молодой человек вместо того, чтобы развить беседу, изучал её лицо. Это раздражало, но Лилея начинала привыкать — что взять с того, кто провёл годы в пустоши!

— Как-то отцу друг подарил пустынную колючку. Я нарисовала её, но она была очень скучной, и я добавила цветов. И по порыву сердца поставила веточку в воду. А она дала корни! Теперь она у нас в оранжерее и, представьте, цветёт! Правда, не так, как я нарисовала. И сейчас она отцвела и заснула. Растения так делают — устают от цветения и спят.

— Можно посмотреть?

— Рисунки — конечно! А вот колючку я вам не покажу, в оранжерее работы, подготовка к тёплому сезону.

— Колючек я видел достаточно.

— И цветущие тоже? — спросила Лилея, копаясь в папках.

— Нет. Я думал, это сказки. Скитальцы говорят, что в оазисах ключки цветут, но я этого не видел.

— У моей алые цветы, но я воображаю, что они бывают разноцветные. Что такое оазис?

У Джона дёрнулась бровь. Лилея протянула ему картонную папку с надписью «Колючка».

— Это место в пустоши, где есть источник воды и растения. Иногда там живут люди... Удивительно обнаружить у художницы порядок, — проговорил Джон, просматривая листы с датами.

Лилея посчитала это комплиментом, хотела поблагодарить, но заметила, что он внимательно всматривается в лист с текстом и воскликнула:

— Ой, не читайте! — она прикрыла ладонью часть листа, а потом и выхватила его.

— Простите. Я уже прочитал, — ответил Джон. — У вас красивый почерк. Это ваш дневник?

— Ну... Наверное. Я выбираю один из рисунков дня и пишу на нём, что сегодня случилось, что меня обрадовало или расстроило, мои чувства. Но тексты я не складываю по порядку. Я кладу цветы к цветам. Когда перебираю папку, например, с розами, то читаю свои старые записи, и мне становится очень приятно. Матушке, правда, не нравится, что я порчу рисунки. Их в таком виде не повесить на стены.

Джон молчал, наполняя душу Лилеи бессилием. Матушка попросила развлекать скучного Кушера, а кто будет развлекать Лилею?

— Но раз вы уже прочитали, то незачем мне скрывать от

вас рисунок.

Кушер принял протянутый лист, закрыл папку.

— Вы не поверили мне про цветущую колючку? — спросила Лилея.

— Я поищу информацию в архивах.

— У меня есть идея получше — я вас приглашу в оранжевую, как только там всё доделают, и вы сами увидите почки!

Кушер-младший стал чаще заезжать, сопровождая брата, который занимался планированием собственной свадьбы. У Джона при этом был такой вид, как будто его притащили на поводке. Но хотя бы гардероб его теперь был не чёрным, а коричневым, синим, серым, и Лилея наконец-то заметила, что у него не просто карие, а зелёно-карие глаза, светлеющие на солнце, как и её сине-зелёные. Также она поняла, что на левой стороне лица у него не просто пятна, а собрание мелких шрамов.

— Неудачно упал, — неохотно ответил он на её вопрос.

— На камни.

Узнать у него что-то о пустоши было невозможно, он сразу замыкался и прекращал любые попытки разговора. Что удивительно, то же происходило и в лектории. Отец выбрал в расписании четыре лекции в неделю, которые Лилея исправно посещала — среди них была и лекция Джона Кушера, одна из трёх, что приходились на вторую половину дня. Обратно она ехала в темноте и сладко дремала.

Лилея нашла радость в том, что тщательно прихорашивалась перед полуторачасовой поездкой в город и четырёхчасовым мучением. Ей сшили строгое коричневое платье с воротничком-стойкой, тёмно-синюю юбку и серую из шерстяной ткани — в сочетании с приталенными жилетами в цвет и белыми блузками выглядело солидно! Подарили небольшой портфель, в который помещалась тетрадь и набор письменных принадлежностей. Волосы заплетали в две толстые косы, а аромат она подобрала строгий, душистый, пахнувший острыми специями и дымом. Ей нравилось входить в полукруглый лекторий, стоять наверху центральной лестницы и выбирать себе место, ловя восхищённые взгляды от молодых людей, которых было в избытке.

Лилея клевала носом на истории Альянса, которая одна была поставлена на утро, на экономике украшала перерисованные с доски таблицы узорами из листьев и только на ботанике оживлялась. А вот на первой же лекции скучного Кушера она хотела или спрятаться под откидной столик, или вовсе сбежать. Лекция прошла спокойно, очень спокойно, мертвецки спокойно, но под конец кто-то из переполненной аудитории не выдержал и спросил:

— А когда будет про пустошь?

— Про пустошь не будет, по крайней мере, не в мои часы,

— ответил Джон Кушнер. — Вы находитесь на занятии по сбору данных, систематизации и статистике.

Поднялся шум: слухи о подарке Эвансу разнеслись ещё в

тот же вечер. Многие записались, только чтобы послушать того самого человека, который по слухам ещё ребёнком стал егерем, нет, жил в оазисе со скитальцами, нет убил сотню тварей пустоши... Кто-то разочарованно засвистел.

— Я полагаю... — чуть громче сказал Джон, но кто-то кинул в него тетрадкой. Он увернулся и под хохот продолжил: — Подавайте, пожалуйста, ваши претензии в письменном виде на имя ректора Круза. Вы уже записаны на курс, отмена не предусмотрена. Экзамены обязательны. Мы будем вынуждены сосуществовать до конца семестра.

В него полетели скомканные бумажки.

Лилее было до слёз обидно. Было жалко Джона, который не мог постоять за себя, прикрикнуть на мальчишек, которые были почти его ровесниками, ну или, что было бы проще, отойти от своих глупых принципов и уделить немного времени вопросам из зала о пустоши.

Колючку он так и не увидел — её выбросили при пересадке, решив, что это сорняк. Лилея очень расстроилась, плакала, чем развеселила мать. Та заставляла дочь проводить время с Джоном, играть ему на флейте, читать из сборника поэзии, даже — о милостивый бог! — петь, играя на рояле! И Лилею наконец-то озарило.

— Мама! Мамочка! — шептала она после очередного мучительного разговора с Кушером. — Вы что, решили с отцом, что это мне подходящая пара?! Он же как пустынная

колючка! И не в моих силах заставить его выпустить хоть почку! Я сама увяну рядом с ним!

— Не увянешь, — улыбалась Флория, расчёсывая её волосы. — Ты так свежа, наивна... В тебе столько сил, столько жизни! К тому же он тебе отличная пара. Во-первых, происхождение...

— А репутация, мама!

— Молчи, много ты понимаешь в репутации. Он сдал трёхлетнюю программу Академии за год, побывал в официальной экспедиции и уже лектор. Прошлое забудется, подавленное его достижениями. Во-вторых, его неразговорчивость для тебя только преимущество — не придётся жертвовать своими привычками и интересами. Ну, не плачь. И — я тебе по секрету скажу — отец не хочет тебя обидеть, но переживает, что под твоим влиянием Тео растёт слишком мечтательным. В следующем году мы отдаём его в военную школу.

Тогда Лилея громко разрыдалась, а мать приказала принести мятного чаю и коробку шоколадных конфет.

Утром Лилея проснулась рано и поняла, что наступила настоящая весна. Птицы пели по-другому, солнце грело через неплотно прикрытую штору. Лилея схватила с рабочего стола первый попавшийся лист бумаги и написала на нём крупными витиеватыми буквами: «Влюблена в весну». В этот раз сначала текст, потом рисунок! Эксперимент!

Она едва дождалась окончания завтрака, оделась легко, но

нянюшка ругалась, и пришлось поддеть ещё пуховую шаль.

Лес был как нарисованный, чернели размытые стволы в утренней дымке, а наверху Лилее мерещилось зеленоватое марево, предвещавшее появление листвы. Орешник желтел пушистыми серёжками. Сквозь прошлогоднюю траву проросла новая, свежая, а в ней торчали свечки мышиного гиацинта. Лилея собирала букет, медленно двигалась чуть ли не ползком, выбирая лучшие цветы, чтобы поставить их в вазу и нарисовать, как вдруг её внимание привлекли ярко-чёрные пятна в зелени и синих всплесках — вороны. «Вот бы и их нарисовать!» — подумала Лилея, слишком резко встала и испугнула птиц. Ей почудился всполох красного, и она пошла проверить. В траве валялся развороченный оленёнок. Лилея вскрикнула, выронила букет и зажала рот рукой.

Зелёное. Синее. Нежно-бежевое. Красное. Кость, выпирающая из ноги. Мухи, как много мух! Она не хотела, но не могла не смотреть на расклёванную морду без глаз, дыру в боку, через которую... Шелковистая шерсть, с пятнышками, в засыхающей крови. Хотелось уйти и нужно было остаться. Запомнить красоту и ужас, улётшихся вместе на старой и свежей траве. Это всё единое — природа. Мёртвый оленёнок, живые цветы. И те, что умирали медленно рядом с живыми, потому что это она, Лилея, сорвала их и оборвала предначертанную природой судьбу. Было ли судьбой оленёнка жить дальше или неудачно упасть и стать пищей для птиц?

Было ли судьбой Лилеи выйти замуж за самого унылого человека во всём Альянсе, как будто неживого? Нет, нет, это что-то злые духи нашептали родителям, это они вернули Кушера из пустоши!

Дома Лилея села за рабочий стол и долго смотрела на выведенную утром фразу. Она ладонью размазала по листу зелёную, синюю, красную и коричневую краску и на этом мессиве цвета подписала: «Страх. Любовь. Смерть. Весна.»

Глава 5. Да

— Ох, вы посмотрите, девочки! — выдохнула мать.

Первым из кареты вышел Джон Кушер и подал руку очень худой, истощённой женщине с острыми скулами. На ней был платок, скрывавший волосы, но хоть она и носила чёрное, платье было самого модного кроя.

— Госпожа Кушер! И милый Джон! — воскликнула Флория. — Я совсем не ожидала вас здесь встретить! Мы с дочерьми тоже редко посещаем нашу чудесную церквушку, а тут такое совпадение! Дорогая Элли-Бэт, как вы себя чувствуете? Не утомила вас поездка?

— С божьей помощью, — прошелестела женщина. — Мы должны встречаться гораздо чаще, дорогая Флория, но я так слаба, что почти не выхожу, а гостей принимать — это тяжёлый труд... Как я вам благодарна за организацию свадьбы... Дожить бы до неё!

— Ну что вы, дорогая, доживёте, станцуете ещё, а, дай бог, скоро и на свадьбе младшего погуляете.

Лилея заметила, как веки Джона дрогнули, словно он хотел закрыть глаза и больше не открывать их.

— Вы не производите впечатление религиозного человека, Джон, — сказала Лилея, желая поддеть скучного Кушнера и ещё поискать едва заметные проявления эмоций на его безжизненном лице.

— Я не... — начал было Джон, но его перебила мать:

— Мы все в той или иной мере религиозны. Не расстраивай меня, Джон. Вот уже в глазах темнеет — кровь прилила к вискам!

— Прости, матушка.

Флория не растерялась и, перехватив госпожу Элли-Бэт у сына, быстро проговорила:

— Дорогая Элли-Бэт, не обращайтесь внимания, юным свойственна резкость! Позвольте, я провожу вас к скамьям. Поухаживаю за вами! До службы ещё есть время, попросим воды у служителя. А молодёжь пускай насладится солнечным днём.

— Милая Ирисса идёт с нами, — сварливо приказала женщина. — Я хочу провести время с будущей невесткой, пока оно у меня есть.

И оставшаяся молодежь осталась наедине, в очередном круге молчания. Джон указал на лавку под доцветающим каштаном и, разорвав тишину, предложил сесть.

— Если вы не религиозны, зачем ходите в церковь? — получилось и правда резко, но это от того, что Лилея была рассержена на мать, которая бросила её со скучным Кушером. В который раз! Ей даже подумалось, что эта встреча у церкви была вовсе не неожиданной, а бессердечно запланированной.

— Мать считает, что раз я не говорю с богом, то полезно хотя бы посмотреть на благочестивых людей.

— Вы не верите в бога?

Джон окинул Лилею изучающим взглядом и долго не отвечал. Она уже подумала, что стоит как-то вежливо сказать, что пора присоединиться к матерям, как он произнёс:

— В пустоши водятся чудища, которых никак не мог создать бог. А если кто-то создал их без его ведома, то бог, тот бог, о котором говорят проповедники, уничтожил бы их. Ужасные вещи просто в природе вещей, госпожа Лилея.

— А может, бог просто не такой, как проповедники говорят? — спросила Лилея.

— Тогда он не любит нас, а ненавидит, — проговорил Джон, разглядывая девушку.

Ей не нравился его взгляд. Другой бы радовался, что она согласилась присесть рядом, что пахнет ландышем, что в её светлых волосах, украшенных жемчужной заколкой, играет солнце, что ветер играет с завитком у уха. А Кушер выискивал что-то, изучал, как будто просто её присутствия было недостаточно. Собирает данные, систематизирует? Это злило, и, наверное, поэтому она, пытаясь казаться умнее, сказала лишнего. Личного.

— Если бог ненавидит нас, — проговорила она, — значит, когда-то он нас любил. Может быть, мы его так расстроили, что теперь он хочет причинить нам боль, чтобы мы поняли, как больно ему из-за нас.

— Что же, — сказал Джон, глядя ей в глаза, — когда человек ненавидит сам себя, это тоже от большой любви?

Она бы решила, что он смеётся над ней, но на его усталом лице не было ни тени улыбки. Зазвенели колокола, возвещая о начале службы и избавляя девушку от этой мучительной беседы.

Лилея всегда во время проповеди мечтала о своём, но сегодня у неё никак не получалось нырнуть поглубже в грёзы о приятном — о любящем муже, с которым они улыбаются друг другу, сидя на веранде красивого дома, который она обставит по своему вкусу, о собственной большой оранжерее, о мастерской со стеклянной крышей, чтобы света было много... В голову лез проклятый Джон Кушер.

Уже на выходе Флория потащила её попрощаться с Кушерами, и, пока матери щебетали, она тихо сказала Джону:

— Ответ на ваш вопрос — да. Человек ненавидит себя, потому что когда-то любил -таким, каким себя считал. А потом жизнь поставила ему одну подножку, другую, и вот он лежит, весь переломанный, и понимает, что он совсем не похож на то, каким себя представлял. Лежит и плачет! А надо вставать и стремиться снова к тому прекрасному образу себя!

— Мой маленький философ, — улыбнулась Флория. — Смотрите-ка, посещение лектория идёт ей на пользу!

Лилея покраснела, а Джон молча кивнул.

Вопреки сказанному у церкви, Элли-Бэт Кушер скоро прислала записку с сердечным приглашением Флории Соэл

и её очаровательных дочерей на кофе.

Сырный пирог был с комочками, зато украшали его засахаренные фиалки. Кофе — крепкий до горечи, даже несмотря на щедрую порцию сливок. Лилея отодвинула чашку и попросила травяного чая, на что госпожа Кушер сжала губы и покачала головой:

— Скромность — это единственное украшение, которое ничего не стоит... Впрочем, ваша непосредственность компенсируется хорошей долей очарования.

Лилея подумала, что начинает понимать Джона, который сбежал из дома, и тут же осадила себя: госпожа Кушер пережила пропажу двух сыновей, а возвращение младшего принесло лишь новые беды.

— Быть может, — продолжала женщина, покачивая в хрупких пальцах белоснежную чашку тончайшего фарфора, — я отвыкла от женского общества. Бог одарил меня лишь несносными мальчишками. Юным дамам положено быть немного ветренными, немного... природными. Юношам же нужна жёсткая рука, а мой супруг, к великому сожалению, часто поддаётся сумасбродным идеям и не следит даже за собой. Гарт был таким, его мальчишки растут мечтательными непоседами. И Джон... Он был таким живым ребёнком! Сейчас и не скажешь, верно?

Госпожа Кушер требовательно смотрела на Лилею, ожидая ответа, а та покрылась мурашками и мучительно придумывала правильные слова. Что за несносная семейка, как ве-

сти с ними разговоры?!

— Мне сложно судить, госпожа Кушер. Ваш сын неразговорчив, но другим я его не знала, — скромно улыбнулась она.

— Ах, милая, о чём я и толкую! Лилея, о милое дитя, как же вы наивны и очаровательны, вы не знаете, что делаете со мной! Как я мечтала о такой дочери! Теперь бог ответил на мои слёзные молитвы сторицей — я возьму на себя смелось называть чудесную Ирису дочерью, да, ещё до свадьбы! Вы же простите такой каприз умирающей женщине?! А вы, Лилея, прекрасный ангел, вы должны позволить мне то же и в вашем отношении!

Лилея растерянно молчала, поражённая страстью в хриплом голосе, не смея отвести глаза и поискать безмолвного совета от матушки. Лилея готова была поклясться, что и мать, и сестра, сидели сейчас так же поражённые вспышкой. Взметнувшись из тлеющих углей снопом искр.

В этот момент Элли-Бэт Кушер бросилась со своего кресла к ногам Лилеи, и она на мгновение решила, что у женщины припадок, но та схватила девушку за руки и страстно прошептала:

— Вы, только вы своей беззаботностью и наивностью сможете оживить его былой дух! Скажите мне, умоляю, пообещайте! Обещайте, что сделаете всё, что в ваших силах!

— Да! Да! Она обещает! — воскликнула Флория, поднимаясь с кушетки, бросаясь к госпоже Кушер, помогая ей под-

няться.

— Мама, Лили! — завизжала Ирисса, разом потеряв наработанное годами самообладание. — Как это чудесно! Давайте устроим двойную свадьбу!

Женщины стояли, обнявшись, рыдая, Ирисса смеялась, спрятав лицо в ладонях, а Лилея сжала кулаками ткань платья и глотала воздух, который словно пропал из комнаты.

Глава 6. Последняя лекция

Лилея не плакала больше при матери. Когда она попробовала, сразу после злополучного чаепития, Флория впервые прикрикнула на младшую дочь и назвала неблагодарной.

— Мы с отцом дали тебе всё, даже то, чего не давали старшим! И вот как ты отплачиваешь! Ты свободна была делать всё, что тебе вздумается, тебе не пришлось дожидаться подходящего жениха на третьем десятке. Нам исключительно повезло, что Кушеры решили поскорее женить Джона! От тебя только и требуется, что с благодарностью принять его предложение и потом, ничего в себе не меняя, терпеливо освещать его душу, пока оттуда не сгинет мрак.

Лилея извинилась и покорилась. Теперь только нянюшка утешала её. Расчёсывая Лилее волосы перед сном, женщина приговаривала:

— На тебя взвалили миссию, к которой не готовили, дитя. Значит, придётся, как мученицам, о которых рассказывает проповедник, готовить себя к ней самой. Ты же художница. У тебя глаза иначе устроены, богом клянусь, я в это верю! На твоих рисунках цветы всегда чудеснее, чем на самом деле.

Лилея стала присматриваться к скучному Кушеру, как присматривалась к растениям, которые рисовала. Она воображала, что где-то в глубине его тлеет уголёк, который нужно бережно раздуть, не загасив. Она думала, что Джон сразу

стал бы красивым, если бы улыбнулся.

Она приходила на его лекции, особенно тщательно уложив причёску, аккуратно записывала его слова, перерисовывала графики с доски, стараясь не зевать. Зал был теперь наполовину пуст — другие слушатели по секрету поделились, что часть студентов взяли справки по болезни, другие заплатили штраф за отмену курса: ректор пошёл навстречу, заваленный гневными письмами. Остались только те, у кого не было знакомых докторов, лишних денег, а также те, кто изначально и собирался слушать лекции по статистике, а не рассказы о пустоши.

Кушеры всё чаще посещали дом Соэлов, но знаков внимания от Джона больше не стало. Он слушал Лилею, рассматривал рисунки, которые она показывала, но никогда не просил показать сам, сдержанно аплодировал, когда она музицировала или пела. Зато Ирисса с Виком ворковали, держались за руки и с трудом расставались. Сестра отдалялась, Лилея чувствовала это, и сердце сжималось от грядущих неотвратимых перемен. Она старалась искать хорошее: например, Джон стал использовать меньше помады на волосах, и они лежали красивой тёмно-пепельной волной. В отличие от знакомых ей мужчин, он не скрывался от солнца, и лёгкий загар чрезвычайно украшал его лицо... Скудное, унылое, бесцветно лицо. Лилея пыталась нарисовать его и сломала от накопившейся злости грифель, а потом ругала себя за отсутствие чуткости.

Как-то после очередного визита они валялись с сестрой, как раньше, в одной кровати и делились переживаниями.

— Рис, прошло два месяца, а он так и не сделал мне предложение! Он не улыбается почти, я для него словно... словно предмет мебели или букет в вазе!

— Да брось! Когда ты не видишь, он надолго задерживает на тебе взгляд, все это замечают. А предложение сделает, куда денется. Свадьба назначена на конец лета.

— Но это твоя свадьба, — возразила Лилея, накручивая на палец прядь волос.

— Поверь, что наш отец, что господин Кушер не станут тратиться на две свадьбы, если можно ограничиться одной. Они не потому разбогатели, что кидались деньгами направо и налево. Да и госпожа Элли-Бэт, о, представь, Лили, она настаивает, чтобы я называла её матушка Элли-Бэт! Она постоянно закатывает истерики Джону, мне Вик рассказывает. Я не знаю, как бедняга ещё с крыши Лектория не спрыгнул! Вик говорит, что того только чувство вины здесь держит — не хочет, чтобы мать ещё больше из-за него страдала.

— Значит, жениться на мне он не хочет, — прошептала Лилея, смахивая слёзы.

— Ерунду не говори! В зеркало посмотришь внимательно и скажи, какой мужчина тебя не захочет!

— Ой, Рис! — ахнула девушка.

— А я Вику грудь показала, — хвастливо сообщила сестра.

— Рис! — чуть не задохнулась Лилея.

— Да брось! — хохоча, Ирисса обняла сестру. — Он не просил, это я уже дожидаться не могу. Видела, какой он довольный ходит с недавнего времени? Вот. Мужчинам много не нужно.

— А как... Ну, когда, где?..

— Ой, не могу, сестричка, ты как карп в пруду, когда он рот открывает и закрывает! В одной из гостевых комнат. Мы только целовались, мы всегда сбегает и целуемся, а тут я чувствую, он прямо сгорает. Ну я вообще-то тоже, но мне Азалия говорила, что это для мужчины опаснее. Он вот сюда меня целовал, — Ирисса провела рукой по шее под ухом, и Лилея заметила розовое пятно, покраснела и спрятала лицо в ладонях. — Ну не придуривайся! Он руками мне грудь через платье гладил. И я почувствовала... как...

— Ну что, что? — рассмеялась Лилея в ответ на смех сестры.

— ...как его естество тянется ко мне.

— Ой-ой-оооой!

— Не ой! А ох! Ах! — томно вздохнула Ирисса. — Ну я пуговицы на блузке и расстегнула. Так что, Лили, оживёт твой Кушер, ещё как оживёт.

Настало лето. Семестр близился к завершению, и это была последняя лекция по сбору данных, систематизации и статистике. Мать лично прибежала в гардеробную, заставила Ли-

лею сменить хлопковую блузку и юбку на шёлковое платье с кружевом.

— Мама, но никто в Академии не наряжается, как на бал! Я только всех насмешу! Все студентки одеты современно и скромно!

— А ты не просто девушка, ты — Лилея Соэл, дочь генерала! Пускай смеются — это от зависти!

Лилея всё же отвоевала право надеть платье без кружева, просто голубое, но тут Флория выудила из ящичка белую ленту.

— Мама, да ты что! Меня точно засмеют! Для слушателей Академии это традиция из веков невежества!

— Семестр в лекторий походила и умная стала, с матерью спорить! — проворчала Флория, завязывая ленточку у груди. — Джон завтра на две недели уезжает в столицу, у него какая-то аттестация или доклад. Как вернётся — будет принимать экзамены. Порадуй его, вы почти месяц не увидите!

«Как будто есть разница, видимся мы или нет», — съязвила про себя Лилея и расстроилась от своей невыдержанности.

В аудитории сегодня царил жара, некоторые утомлённые студенты положили головы на столы и переговаривались, не понижая голоса. Джона было плохо слышно с последнего ряда, где обычно садилась Лилея. Она, конечно, не предприняла никаких попыток вслушаться и занялась набросками в

альбоме для рисования. Подходил к концу четвёртый час, самый тяжёлый. Солнце било в окна, сместившись значительно правее и бросая на пол тень от рамы, похожую на клетку. Кушер, наконец, отложил листы с заметками.

— Напоминаю, следующие две недели занятий не будет, — сказал он, чем привлёк, наконец-то, внимание. — Свободные слушатели отправляются на каникулы до осени. Для остальных будет ещё две встречи — консультация и экзамен. Вопросы?

— Вы едете в пустошь? — спросил кто-то.

В полной тишине Джон выпрямился, оглядел аудиторию и коротко сказал:

— Нет.

— Там же опять погасло мотыльковое пламя, люди погибли! — встал с места парень и потряс газетой. — Егери не справляются! Я готов ехать помочь!

— Егери справляются, — тихо сказал Кушер, и вся аудитория как будто потянулась вперёд, чтобы расслышать хоть что-то о пустоши из его уст. — Отводы гаснут время от времени. Патрули проходят по точкам каждый день. Если вы действительно хотите помочь, господин Рейас, то изобретите способ остановить распространение пустоши, более стабильный источник пламени или хотя бы прочную ограду, которая удержит шипоногов.

Господин Рейас бросил газету на пол и вышел.

— Все свободны, — сказал Джон. — Госпожа Соэл, за-

держитесь, пожалуйста.

У госпожи Соэл сердце упало куда-то в район рёбер. Она запихнула тетради, карандаши и письменный наборчик в портфель и на негнущихся ногах спустилась по лестнице к кафедре.

Когда зал опустел, Кушер вдохнул через рот, отбил ритм ладонью по бедру и произнёс, глядя не на девушку, а в окно:

— Это формальность, наши родители обо всём договорились.

Лилее снова начало казаться, что из помещения исчезает воздух. А Джон пошарил рукой по своим бумагам на столе, как будто в поисках шпаргалки.

— Ваша... Ваш свет, ваша невин... наивность и добрый взгляд на окружающий мир... Ваш артистический взгляд на мир... Вы как фонарь...

Он выдохнул, вдохнул, а Лилея знала, что на её лице сейчас проступает выражение страха, а никак не радости, но ничего не могла поделать.

— Вы как маяк. Маяк. Свет, разгоняющий тьму. Несмотря на мрачность мира... вы остаётесь светом.

Он замолчал, прикрыл глаза и потёр лоб.

— Простите. Вы... покорили моё сердце, и я прошу вас стать моей женой. Я буду вам достойным мужем и постараюсь сделать нашу жизнь счастливой.

Он, даже не встав на одно колено, достал из кармана коробочку, открыл, а Лилея ничего не видела — в глазах помут-

нело. Она прошептала: «Хорошо», а не все те нежные слова из грёз о прекрасном муже, с которым они держатся за руки, вместе смеются и плачут... Она как во сне протянула руку, и Джон надел ей на палец кольцо.

Впору.

— Спасибо, — сказал Джон и прикоснулся сухими губами к её ладони, а потом, словно сомневаясь, и к уголку её губ. — Я приглашу вас на ужин в ресторан. Чуть позже. Сегодня я занят.

Они расстались в коридоре — Джон поспешил к ректору, а Лилея, поражённая полным отсутствием мыслей в голове, вцепилась обеими руками в ручку портфеля и пошла по знакомому маршруту к выходу, но почему-то свернула не к дальнему, где у сквера ждали экипажи, а вышла вместе другими студентами через двустворчатые двери на улицу.

На неё со всех сторон обрушилась мельтешащая жизнь, так не похожая на ту, к которой она привыкла в особняке родителей. Она бывала в городе редко, только на занятиях, куда её привозили и увозили, и в гостях у сестры.

Серо-чёрная дорога, пыльно-оранжевые стены домов, зелёные пятна редких деревьев, танцующие тени и яркие солнечные пятна. Кто-то пробежал мимо серым пятном, чуть не толкнул. Кони ржут, повозки стучат колёсами по булыжнику, кучеры орут. Порыв ветра взметнул белую ленточку на груди. Лилея сдёрнула её, бросила под ноги и вдруг наткнулась взглядом на раздавленного голубя.

Она зачарованно подошла к краю тротуара и присела на корточки. Вытащила из портфеля альбом и карандаш и принялась переносить чёрным графитом на белый лист месиво внутренностей и разломанные, смятые перья.

Дома, так и не дождавшись от самой себя слёз, она капнула на рисунок сиреневой и красной акварелью и подписала: «Помолвка».

Глава 7. Сочувствие

Утром Лилея не могла есть, только выпила три чашки кофе, и теперь её мутило. Хотя мутило и без них. Ей показалось спросонья, что вчерашний день ей приснился: этого просто не могло быть! Помолвка в лектории?! Неловкие, плохо заученные слова от теперь уже жениха? Кто вложил их в его уста? Мать? Участвовали ли Вик и Ирисса? Про голубя она вообще не помнила, пока взгляд не упал на рабочий стол. Она поспешила спрятать рисунок под другие, чтобы нянюшка не увидела.

Ирисса сначала сравнивала их кольца: у неё было тонкое, с большим камнем, а у Лилеи — потолще, посередине бриллиант, а по бокам от него два сапфира.

— Как твои глаза, сестричка! А посередине — это твой внутренний свет. Всё он правильно сказал, не ругайся. Ну не поэт он, что ты сделаешь!

И тогда Лилея наконец-то улыбнулась: и правда, всё не так плохо. Всё вообще не плохо, а после рассказов Ириссы о планах стало даже почти хорошо. У Кушеров есть особняк недалеко от особняка Созлов, немного подзаброшенный, но слуги регулярно наезжают, чтобы проверить, всё ли в порядке. Родители останутся в городской резиденции — у Норберта Кушера много работы и встреч, а Элли-Бэт желает, чтобы врачи прибегали по её первому стону. Их внукам в городе

тоже интереснее — сколько музеев и образовательных мероприятий! Поэтому особняк уже готовят к переезду не одной, а двух молодых пар. Как чудесно, не придётся расставаться с сестрой!

Ирисса притащила в гостиную все свои заметки со свадебными планами и заставила Лилею разбираться, советовалась по сочетанию цветов, по блюдам и напиткам, кого с кем посадить... Это было весело — напоминало игры с кукольными домиками, когда переставляешь мебель и наряжаешь фарфоровые фигурки.

А потом зашла мать.

— Мне нужно поговорить с тобой о серьёзных вещах, Лилея. Ирисса, дай нам время побыть вдвоём.

Ирисса хихикнула в ладонь и убежала.

— Дочь, — начала Флория, присаживаясь в кресло. — Тебе повезло, что у тебя есть два маленьких брата. Ты ещё ребёнком видела, как выглядит мужское тело, и тебя этим не смутить.

Лилея только и смогла, что поднять брови. Ирисса рассказала, что мать говорила с ней о мужчинах после того, как Вик сделал предложение, но наотрез отказалась передавать точное содержание беседы. Смеялась, что хочет потом увидеть лицо Лилеи. Правда, заметила, что от служанок узнала больше.

— ...естественно, ты и сама понимаешь, что мужчины отличаются от мальчиков. Моя лекция нужна, чтобы в первую

брачную ночь твоё лицо не было таким, как сейчас, словно ты позируешь для рисунка в газету в раздел карикатур, а главное, чтобы ты знала, как соблюдать гигиену.

Лилея попросилась в гости к старшей сестре. Для Азалии тратить на дорогу туда и обратно три часа, даже для того, чтобы поздравить сестру, было непозволительным расточительством времени, которое она посвящала заучиванию каких-то дат и имён.

Генерал Соэл купил старшей дочери два этажа в пятиэтажном доме поближе у Академии, как только она начала учиться. На третий год она уже была помолвлена с подающим надежды зоологом Георгом Паттенном, который теперь, спустя девять лет, стал признанным специалистом и профессором Академии. Вскоре они смогли выкупить и остальные этажи здания.

Тёмная, на северную сторону, тесная гостиная не была предназначена для приёмов, но казалась уютной и идеально подходящей для того, чтобы делиться с сестрой секретами. Квартиры выкупили у вдовы библиотекаря Академии, поэтому частью обстановки были бесчисленные шкафы, заполненные книгами, старыми и очень старыми книгами, списанными из основной библиотеки Академии — устаревшими или просто ненужными.

— Мне очень жаль, Лилея, — сказала Азалия вместо поздравлений, чем вызвала у сестры недоумение. Прикрытый

недоумением, где-то глубоко в душе распускался бутон страха.

— Почему? — воскликнула Лилея. — Да, предложение он сделал некрасиво, но он спешил, у него аттестация и потом экзамен... Он спокойный и малоэмоциональный, разве же это плохо? Матушка говорит, что это благо!

— Лили, я же знаю. Во-первых, у него в Академии репутация человека, который сделает всё, что ему скажут. Над ним смеются, про него анекдоты рассказывают в пивных. Куда он, кстати, не ходит вовсе.

— Так это же разве...

— Нет, не плохо. Для другого. А для Кушера — часть портрета. Во-вторых, я видела его мельком три года назад, когда он вернулся из пустоши с той женщиной. Он сразу, по своей инициативе, взялся догонять программу, даже выиграл на каких-то спортивных состязаниях. А главное, Лилея — он улыбался.

— Значит, он это умеет, — ответила девушка. — Значит, сможет улыбнуться снова, только надо...

— Ты невнимательна и чересчур романтична, сестра. Я сказала матери, что она совершает огромную ошибку, выдавая тебя за Джона Кушера, но она слишком рада и не слушает доводов рассудка. Он сломался. Ты его не починишь. Мой муж, а его суждениям я доверяю, считает, что Джона нужно отдать в психиатрическую лечебницу, а не подкладывать под него молоденьких девиц.

— Азалия! — ахнула Лилея.

— Именно так. Тебе никто, кроме меня, правды не скажет. А я за всю свою учёную карьеру приучилась не охать, а анализировать. Георг считает, что Джон сломлен и сам своей же покорностью чужим решениям наказывает себя, падая всё глубже в бездну. Он и тебя развратит своей чернотой, затопит твой огонёк своим горем.

— Но я же не могу ничего сделать! — воскликнула Лилея. — Помолвку не разорвать! Зачем ты пугаешь меня? Как будто он — какое-то чудовище! Не может такого быть, чтобы тот, кто когда-то был прекрасным человеком, не смог бы стать обратно собой. Всегда нужно вставать после падения! А если рядом будет любящая преданная жена — будет на кого опереться и с кем разделить печали! Вы с Георгом слишком углубились в теорию, а живые люди устроены иначе, сложнее. В какой-то твоей книге описаны чувства, когда пробуждаешься от того, что луч солнца коснулся лица? Или радость, когда в волосах застрял лепесток цветущей вишни? Или когда босыми ногамиходишь в ручей, и щеотно, и песок ласкает кожу?!

— Ох, Лилея... Может, мать и права, — улыбнулась Азалия. — В Академии я и правда отвыкла от того, что кто-то говорит с таким жаром. Если, конечно, это не касается бухгалтерских отчётов по экспедициям. Ты сказала, что хотела что-то у меня узнать?

Лилея прижала ладони к покрасневшим щекам и выдох-

нула:

— Про мужское естество...

— Тебе должна была всё рассказать мама, — удивилась

Азалия.

И тогда Лилея передала весь неловкий разговор, похожий на инструкцию к какому-то сложному и страшному механизму. Огромному механизму!

— А потом она вытащила из шкатулки что-то, похожее на маленький чулок, и сказала, что это защита, — прошептала Лилея, всхлипывая. — Это что такое огромное она защищает?! Куда это оно должно?.. Это меня от этого надо защищать!

Азалия рассмеялась, потом покачала головой:

— Что ж, чего я хочу от женщины, у которой любовная жизнь закончилась шесть лет назад.

— А за шесть лет в любви что-то изменилось? Подожди...

А как же отец?

— А у отца любовницы, — отрезала Азалия.

— Нет! — воскликнула поражённая Лилея и вскочила со стула. — Не может быть! Он изменяет маме? Ты знаешь и не говоришь?

— Успокойся, всё она знает!

— Как?.. — Лилея опустила на стул.

— А вот так. Я подозреваю, много кто знает. Люди на приёмах в лицо улыбаются, а потом шепчутся за закрытыми дверями. Чего не знают — додумывают. А стоит чему-то прав-

дивому просочиться, так у них праздник! Так что именно ты хотела узнать?

— Оно... Он такой большой, правда? — выдохнула Лилея. — Это должно быть больно, почему все говорят, что это хорошо и приятно?

— Я сравнительный анализ не проводила, — грубо ответила Азалия. — Член у всех мужчин разный. Могу показать тебе книгу прошлого века с непристойными картинками из коллекции бывшего владельца квартиры или попросить у Георга медицинский справочник, но боюсь, ты только напугаешься. Дождись — сама увидишь.

— И он правда делает то, что мама сказала? Когда мужчина рад своей жене, его естество стремится к ней?..

— Лилея, о мой бог! Да, вот так, — Азалия показала рукой. — И тогда на него надевают защиту. Но не спрашивай меня и об этом, пожалуйста! Ты же знаешь, мы с Георгом пытались завести ребёнка много лет. И только сейчас бог смиловался над нами, но с присущим ему чувством юмора подгадал предполагаемую дату родов на аттестацию.

— Мама сказала, что госпожа Кушер считает, что внуками её будут радовать Ирисса и Вик, а Джон сначала должен восстановиться...

— Поэтому я и выражаю тебе своё сочувствие, сестра, — без улыбки сказала Азалия.

Глава 8. Не всё новое

Лиля рисовала, рисовала, рисовала. Когда она следила за изгибами растений и переносила их на бумагу, когда смешивала краски, стараясь попасть тон в тон — она забывала обо всём. Только обручальное кольцо на пальце иногда ловило луч солнца и било прямо в глаза. Лиля стирала слезу и продолжала упорно рисовать. Только не находилось слов, чтобы описывать маленькие радости летних дней. Мать радовалась — теперь нарисованные цветы можно, наконец-то, оформлять в рамы и развешивать по дому.

— Твоё мастерство растёт день ото дня! — хвалила она дочь. — Смотри, как хорошо повлияла на твой талант помолвка. Скоро мы сможем дарить твои картины друзьям на праздники!

Джон Кушер прошёл аттестацию в столице, вернулся в город. Шеана пересказала все слухи, собранные от слуг других домов, пока смешивала крема и масла в ванной — как на экзамене один студент, говорят, на все вопросы отвечал анекдотами, как другой уселся на преподавательский стол, а третий и вовсе молчал. В итоге даже эти хулиганы получили от Джона удовлетворительные оценки, за что его ещё больше стали презирать.

Ирисса придумала развлечение — съездить в горы и устроить пикник на вершине. Флория категорично сказала,

что или они едут со слугами и нянюшкой, или не едут вообще: что за фантазия, отпускать две молодые пары одних в леса и холмы за месяц до свадьбы! Что люди скажут!

Лилею укачало: она не позавтракала от волнения — ведь Джона она не видела три недели и боялась, что он совсем забыл её. А то и вообще забыл о предложении! Вот была бы шутка! Они утомительно долго ехали по неживописной лесной дороге, огибающей холм — всё зелень да зелень! Ирисса и Вик шутили и рассказывали истории, Джон молчал, а Лилея заснула так крепко, что её пришлось будить.

Невысокая горная гряда волнами уходила на юго-запад, покрытая охотничьими лесами, а с северо-восточного склона, резко уходящего вниз, к реке, открывался чудесный вид на долину.

Здесь слуги и устроили всё для пикника: постелили пледы и скатерти, раскидали подушки, разложили яства и стояли наготове с вином и минеральной водой. Нянюшка спала в тени у экипажа, так что Вик и Ирисса вели себя фривольно. А Джон же даже не пытался взять свою невесту за руку.

Лилея болтала сидр в бокале, щурилась и пыталась разглядеть купол Академии в дымке, не особо вслушиваясь в болтовню парочки, как вдруг голос Вика вывел её из дрёмы.

— Джон, — позвал Вик, — а правда, что ночью отсюда можно разглядеть крайнее мотыльковое пламя?

Лилея обернулась на Джона и с долей внутреннего ехидства заметила, что тяжёлый изучающий взгляд достаётся не

только ей.

— Я не знаю, — в итоге ответил он.

— Братишка, — рассмеялся Вик. — Так и скажи, что я сморозил глупость!

— Джон, — спросила Ирисса, покрасневшая от вина, — а они работают? Они правда спасают от этих тварей?

Веки Джона дрогнули, то ли от раздражения, то ли от плохих воспоминаний — Лилея не поняла, но тут же воскликнула:

— Не хотите говорить — не надо, Джон! Это всё есть в библиотеке, не так ли?

— Они работают, — тихо ответил Джон. — Иначе егери бы не рисковали жизнью, обходя границу пустоши. Мотыльковое пламя — это городское название. Мы... Там называют их отводами. Потому что они по ночам отвлекают шипоногов от поселений.

— Расскажи о шипоногах, Джон, — попросил Вик.

— Это не те истории, которые рассказывают при девушках.

— Брось, Ирисса смелая, да, моя любовь? А если ты испугаешься, я защищу тебя, обниму, окутаю заботой...

Ирисса радостно завизжала и продолжила хохотать, когда Вик обнял её и повалил на траву. Нянюшка не проснулась, а слуги очень внимательно смотрели в сторону долины. Наверное, тоже высматривали знакомые здания. Вик вскочил, помог Ириссе подняться и потащил хихикающую невесту к

деревьям.

— Я не боюсь, — сказала Лилея.

— Я меньше всего хочу расстроить вас, Лилея, — ответил Джон, не глядя на девушку, — не хочу разрушить ваш наивный взгляд на мир. Ваша редкая непосредственность рождена из того, как оберегали вас родители от этого самого мира. Лучше продолжайте светить, не зная, чего достигает ваш свет.

— Если не хотите меня расстраивать, тогда, быть может, время перейти на «ты»? Мы ведь уже через месяц станем мужем и женой! — через силу кокетливо улыбнулась Лилея, в который уже раз говоря то, что в её представлениях должен был говорить мужчина.

И опять этот взгляд, ищущий что-то, задающий молчаливый вопрос.

— Как скажете... скажешь.

— Тогда закрепим договор! — Лилея игриво протянула ему ладонь, и Джон пожал её, потом спохватился и прикоснулся губами. Лилея, умоляя бога дать ей смелости, села ближе и положила голову на мгновенно одеревеневшее плечо жениха.

«Он научится, — повторяла она про себя. — Он поймёт. Он смягчится. Я растоплю его лёд. Это не только ради него. Это ради самой себя. Ведь мне с ним таким дальше жить...»

За неделю до свадьбы мать настояла на совместной поезд-

ке в будущее семейное гнездо и насобираала две телеги «приятных мелочей». Особняк представлял собой предполагавшее симметрию строение, с круглой центральной залой, из которой вглубь шёл коридор к хозяйственным помещениям, а налево и направо вели двери в два крыла. Однако строительство правого крыла было приостановлено, когда пропал старший сын Кушеров со своей женой. Тогда госпожа Элли-Бэт впервые пережила нервный приступ и с тех пор посещать особняк наотрез отказалась. Стройку в итоге завершили, не до конца воплотив замысел архитектора. А планы были великие — использовать все самые свежие технические новинки, например, отапливать помещения без каминов с помощью труб, встроенных в стены и полы. В них должен был попадать то ли пар, то ли тепло от каминов — как, Лилея не поняла. В правом крыле задумку не довели до конца, и оно так и осталось пронизанным холодными трубами.

Пока мужчины — Кушеры и генерал Соэл — осматривали строения снаружи, Флория водила дочерей по комнатам. Начали с левого крыла, которое должны были занять Ирисса и Вик. Оно было двухэтажным, с гостевыми комнатами, музыкальным залом и библиотекой внизу и спальнями для хозяев и будущих детей наверху. Правое же крыло было одноэтажным, и в нём поместились лишь спальня с небольшим камином, соседствующая с хозяйской ванной комнатой, зал-столовая с камином и пара маленьких комнат для гостей. В них к холодам должны были установить маленькие печки.

— Заберёшь Шеану, — сказала мать. — Она будет при-
служивать тебе, но за её кремами я буду посылать, не смогу
без них жить! Боюсь, тебе придётся укоротить волосы — она
вряд ли справится одна с твоей копной.

На это Лилея только округлила глаза.

Пришёл Вик, привёл Джона. Ирисса потащила жениха
расставлять свою долю приятных мелочей, а Флория зацепи-
лась за локоть Джона и повела в их с Лилеей будущие вла-
дения. Спальню девушка не разглядела, потому что её гла-
за от страха перестали видеть: заметила только, что мебель
покрыта пока белой тканью. Она только обрадовалась, что
Джон стоит к ней спиной. Ванная была небольшой, но зато
тут был современный нагревательный котёл. Только и рабо-
ты слугам, что в печку дрова подкидывать, а потом сливать
нагревшуюся воду через кран, а сверху доливать холодную.
Лилея приободрилась, но затем они зашли в гостиную.

— Мама! — воскликнула Лилея, в ужасе глядя на кушет-
ку с вышитыми розами, которая стояла лицом к камину и
спиной к обеденному столу.

— Нравится? — засмеялась Флория. — Джон, это наша
семейная шутка, и я хотела подарить её вам!

— Мама, ну не надо! — взмолилась девушка.

— Если Лилея настаивает... — проговорил Джон, но мать
махнула рукой:

— Ох, не идите у неё на поводу! Она из всего сумеет
сделать катастрофу. Ничего стыдного тут нет, дочь! Если

помните, Джон, на парной кушетке никаких чудовищных алых роз нет, только спокойные сине-зелёные полосы. Со всем малышкой, только научившись вышивать, Лилея решила сделать нам подарок и, пока генерал был в городе, а я занималась хозяйством, начала украшать гарнитур. Нянюшка первая заметила, побежала ко мне, просила Лилею не наказывать, говорила, что сама сейчас стежки уберёт аккуратно... А я решила, что это хорошая шутка. Лилею, конечно, от отца досталось — отхлестал ремнём по шаловливым детским ладошкам. Ну а эту забавную семейную историю мы всем гостям рассказываем — без эпизода про наказание, конечно. Это только для вас, как для члена семьи, наша маленькая семейная тайна. И вместе с ней передаю почётную обязанность рассказывать гостям шутку вам, Джон! Лилея, да ты что! Даже не думай плакать!

Лилея извинилась, вышла в коридор и дрожащими руками стёрла слёзы.

— Не обращайтесь внимания, Джон! — слышался из комнаты голос матери. — Она такая чувствительная. Не так уж сильно он её наказал. Она сразу всё забыла. Ах, от вас, дорогой, даже тени улыбки не дождёшься!

Лилея помнила, как любила делать родителям что-то приятное — плела венки, приносила букеты, рисовала цветы. Помнила, как её целовали и обнимали, а иногда давали конфеты. Но также Лилея почему-то запомнила, что вышивание крестиком связано с болью. Она помнила, что эта кушетка

родителям очень дорога, но иногда, когда гостям в очередной раз демонстрировали розы на атласе, казалось, что дороже собственной дочери. Она не помнила, как отец бил, и не помнила, как извинялся.

Глава 9. Туман

Свадьбу Лилея тоже не запомнила. Всё, что было до и после — запечатлелось чётко, как масло на холсте, а середину смазало.

Сад в особняке Кушеров не мог пока составить конкуренцию ухоженному парку госпожи Флории Соэл, поэтому двойная церемония состоялась в особняке родителей невест. Несмотря на чернильные тучи, бродившие над холмами, мать настояла провести её под открытым небом — солнце-то светит, а сколько роз вокруг, заглядение! От пары капель никто не растает, а случись гроза — все успеют спрятаться в доме.

Утром Лилею в последний раз купала нянюшка, а девушка впервые в жизни застеснялась своей наготы. Косы уложили венком вокруг головы, вплели ленты, закрепили свежие лилии, от тяжёлого приторного запаха которых Лилею подташнивало. Давил декоративный кружевной корсет, который нянюшка затянула слишком туго. Виновато было и разбавленное белое вино, которое разносили слуги для спасения от усиливающейся духоты.

— Лилея, да ты просто чудо! — воскликнула Ирисса, представшая перед глазами сестры мутным белым пятном. — А мне ирисов не досталось, не смогли даже в оранжерее сохранить в такую жару! Ну ничего, как тебе мои розы?

Розы источали муторный сладкий аромат, а Ирисса всё отгоняла приставшую муху. Почему-то Лилее вспомнился мёртвый оленёнок в весеннем лесу. Она осела на пол и её вырвало.

— Ой, мама! Мама! — закричала Ирисса.

Лилею подхватили, куда-то понесли — с закрытыми глазами казалось, что это она остаётся на месте, а весь мир шатается и пляшет вокруг неё. В темноте вспыхивали и гасли золотые и красные пятна, и Лилея напряглась, чтобы запомнить и нарисовать, и от этого напряжения очнулась.

Спальня. Всё мутно, нечётко. Светло и душно.

Корсет ослабили, под голову подложили подушки так, чтобы причёску не испортить. Принесли воду с размятой красной смородиной — для кислинки, принесли тост с маслом и варёное яйцо.

— Может, бульону куриного, госпожа Флория? — спросил кто-то из слуг.

— Вот ещё! — воскликнула та. — Она не больна! Никакого больше вина, никакого сидра! Марш на кухню! Лилея! А ну соберись! Священник уже прибыл, гости собрались!

Кто-то поставил её на ноги, и было тяжело, словно разбудили среди ночи. Зрение не возвращалось, и Лилея чуть не задохнулась от мысли, что так и останется полуслепой.

Мать легко похлопала её по щекам, а девушка вяло отталкивала её руки.

— Я иду, иду, — бормотала она. — Ой!

Она дёрнулась от резкой боли — это Флория ущипнула её за запястье.

— А ну приди в себя и не позорь нас! — прошептала мать ей в ухо. — Лилея, что происходит! Где та беззаботная бабочка, где тот лёгкий летний ветерок! Как ты собираешься помогать Джону вставать на ноги и вливаться в общество, если сама превратишься в овсяную кашу на воде?!

Джон, вспомнила Лилея, и всё внутри похолодело. Она вцепилась в руку матери и горячо зашептала:

— Мама, я не могу! Мама, можно, я не выйду за него, пожалуйста, мама!

Флория оттолкнула её и сухо сказала:

— Я пришлю няню умыть тебя. Шеана сейчас придёт с успокоительными каплями. Через полчаса отец заберёт тебя к алтарю. И чтобы на улице я видела счастливую улыбку на твоём лице.

Лилея смутно помнила зелень сада, зелень костюма отца, зелень холмов вдалеке. Синеву неба, синеву туч на горизонте, чьё-то синее платье. Белое, много белого. Два чёрных пятна — одно Вик, другое — Джон. Она бы не знала, к кому подойти, если бы отец не подвёл её. У неё болели щёки от насильной улыбки, чесались глаза, она хрипло выговорила «да» в ответ на формальный вопрос. Она не помнила прикосновения его руки и губ. Потом всё-таки разразилась гроза, и всё закрутилось, перемешалось, мелькало светом и

цветом, темнея, темнея. Слуги переносили угощения в дом, сворачивали палатки, трепещущие от порывов ветра.

Лилея не помнила, где была весь оставшийся день. Очевидно, в зале, где к ней подходили, поздравляли. Но кто, какими словами? Была ли матушка рядом, что сказал отец, что делал Джон? А Азалия и Ирисса?.. Где были Тео и Том?.. Что играли музыканты? Ведь она должна была танцевать с... мужем.

Когда буря утихла, молодожёнов усадили в два украшенных цветами и лентами экипажа и проводили в новую жизнь аплодисментами, радостными криками и напутствиями, серьёзными и шуточными. В конце лета ночи наступают стремительно, но до заката было ещё много времени. Джон смотрел в окно и, к счастью, не горел желанием начать беседу — как будто он хоть чем-то горел! — а Лилея, утомлённая, раздавленная эмоциями, погрузилась в дрему, представляя, как сейчас начинается родительская часть праздника. Поздравления принимают генерал Соэл и его супруга, Азалия играет на пианино, может, в паре с Тео... Потом мама будет до ночи разбирать подарки, а завтра отправит дочерям в их новый дом.

Лилея настолько оправилась, что мысли побежали, неконтролируемые, беспокойные, а она только и могла, что повторять: «всё будет хорошо, всё будет хорошо». Тогда она и осознала, что самая важная часть дня не отложилась в памяти. Ей стало до слёз обидно, что она не помнит собственную сва-

дбьбу, оттого она казалась чужой. Лилея покосилась на Джона — кажется, задремал. Как же эгоистично! — отругала себя Лилея. Ведь ему тоже тяжело! Ведь если бы не родители, он бы сейчас и не женился вовсе. Права мама — ему нужна поддержка, а Лилея просто надумывает от страха потерять привычную комфортную жизнь. Она глубоко вдохнула и выдохнула. Вот так. Только зря расстроила матушку.

Подъехать прямо ко входу не смогли — дорогу затопило. Джон вышел из экипажа, протянул Лилею руку, и она с благодарностью улыбнулась как можно более нежно и выбралась наружу. Вик выпрыгнул из экипажа, крикнул:

— Эй, Джон, тут надо отливы переделывать! Уйма работы от родителей досталась в подарок!

— Муж! — требовательно прокричала Ирисса, высываясь из экипажа. — Муж! Как ты смеешь не подать мне руку! Как ты смеешь говорить о банальностях в лучший день в моей жизни!

— Прости, прости, о моя владычица! — Вик распахнул дверцу, и Ирисса бросилась ему на руки, заставив пошатнуться.

— Во дворец! — приказала она и ткнула пальцем в особый. Оглянувшись на Лилею, она подмигнула и добавила: — Сестра, поговорим завтра! Желаю тебе приятного вечера и не менее приятной ночи!

Ах, и правда, — подумала Лилея, чувствуя, как отнимаются ноги. Её никто не понёс во дворец на руках.

— Если вы устали, — неловко начал Джон, когда они зашли в спальню, — мы можем сегодня не...

— Мне только нужно умыться, — перебила его Лилея отчаянно быстро. — И мы перешли на «ты», неужели ты за был?

Шеана, отправленная с несколькими слугами в особняк заранее, уже нагрела воду, помогла Лилее снять свадебное платье, расплести причёску и умыться.

— Что вы хотите, госпожа Лилея? Я госпожу Соэл убедила купить мне новых масел. Есть хвоя. Пату... пачули. Роза. Сандал.

— Так церкви пахнут, — сказала Лилея.

— Тогда апельсин! Вы только не ругайтесь, но я вам скажу — бояться нечего. И хоть церковью будете пахнуть, хоть Академией, хоть еловым лесом — мужику всё равно.

— Я не спрашивала, — неожиданно для самой себя резко ответила Лилея. — И мой муж — не мужик. Ты свободна.

— Простите, госпожа, — совсем не виновато фыркнула Шеана и вышла, а Лилея зачем-то отряхнула шёлковую сорочку, одну из подаренных матерью, расправила кружево на халатике, подёргала тесёмки, случайно развязав бант. Как глупо приходиться в такой день в домашних туфлях! Вряд ли Ирисса озаботилась умыванием и переодеванием перед...

Джон стоял у холодного камина, глядя в окно на ало-малиновый закат. Когда он обернулся, половина лица окраси-

лась жёлтым от зажжённых свечей, а половина осталась красной. Лилея второй раз за день подумала — нужно запомнить, чтобы нарисовать. Вернулась утренняя тошнота, но хотя бы зрение больше не подводило.

Пока Лилея шла к кровати, Джон задул свечи, и закат проглотил пространство. Джон приобнял её за талию, а она положила руки ему на плечи. Он прикоснулся губами к губам. Лилея приоткрыла их, но он не стал делать то, о чём рассказывала Ирисса, а поцеловал в щёку, потом совсем близко к уху, потом в шею, и Лилея только и слышала, что его дыхание и стук своего сердца.

Она не поняла, как оказалась лежащей на кровати, с разведёнными ногами, а Джон... Джон придавил её своим весом, и она почувствовала то самое, точно, оно — его естество. Джон целует её — ну почему же опять в щёку, в висок, а губы, губы?! — Джон стягивает с неё... — о боже, какой дурацкой идеей было надеть панталоны! — Джон стягивает с неё панталоны... А как же остальное?.. Вот сейчас, думала она, сейчас! Нет — отодвигается, тянется к прикроватной тумбочке. Ах да, ведь матушка учила — защита... О мой бог, причём тут матушка... При чём тут бог! Ах, какая же темнота, зачем задул все свечи! Вот снова навалился, только сейчас это что, это что это...

Лилея сдавлено вскрикнула и вцепилась в плечи Джона — то ли чтобы оттолкнуть, то ли чтобы прижать к себе. Он продолжал вталкивать... вдавливать... своё... свой член —

да, так надо говорить, она больше не ребёнок! — в её тело, а она бессмысленной скороговоркой думала: «Это происходит, вот оно, это происходит...», но как ни силилась, ничего не ощущала кроме отзвука первой боли, о которой говорила ма... — нет, нет, уйди из мой головы! — только чувствовала давление о толчков, слышала учащённое дыхание и жар тела Джона, но ничего того, о чём...

Джон громко выдохнул, застыл на мгновение и отстранился.

— Ты в порядке? — тихо спросил он.

— Да. Сп... спасибо. А это... Это всегда так?.. — спросила Лилея, но только произнеся вопрос вслух, поняла, как он ужасен.

Джон молча встал и направился в ванную — матушка говорила, что нужно дать мужу привести себя в порядок первым по двум причинам: во-первых, мужчины сразу хотят спать, во-вторых, это даст жене больше времени поплакать.

Уже у двери в ванную Джон обернулся и сказал:

— Больно больше не будет. Извини.

— Ну что, ну как, ну рассказывай! — набросилась Ирисса на Лилею.

Она вызвала сестру далеко за полдень на чай в свою гостиную и сидела растрёпанная, сонная, но румяная, с улыбкой во всё лицо. Лилея растеклась в кресле — ныло внизу, и она знала, что сестра знает, поэтому не стала притворяться

и сидеть ровно.

— Да что рассказывать... — смущённо проговорила она.

— Всё в порядке.

— В порядке?! Лили, вы что-то вообще делали?!

— Что-то делали, — согласилась Лилея.

— Ну? Ты была снизу? Ты была к нему спиной? Лицом?..

Он у него большой? Потому что у Вика... — сестра показала рукой что-то нечеловеческое и захихикала.

— Я не...

— Ты что, даже не любопытствовала? Не дотронулась?!

Да ты что!!! Неужели ты такая скромница! Зачем скромничать! Ты не жена священника! И я не уверена, что жёны священников так уж святы.

— Ну пойми, мы устали вчера. Я устала. И было темно...

Не смейся! — умоляюще проговорила Лилея.

— Темно! — хихикала Ирисса. — Мы начали вчера до заката, продолжили после, потом под светом луны... Вчера была очень яркая половинка луны! Немного отдохнули, нашептали друг другу нежностей, задремали, а на восходе продолжили. И после завтрака... Ой, и немного во время завтрака. Лилея! Твоё лицо! Я тебя обожаю, сестрёнка! Да, представь, это можно делать и при свете дня, и так куда интереснее.

— Рис, а может... — сказала Лилея и не смогла продолжить. Пришлось сначала допить чай, а сестра терпеливо ждала, обеспокоенно нахмурив брови.

— Рис... А вдруг это со мной что-то не так? Я что-то не

то сделала или сказала?

— Лилея, ты самое замечательное создание на земном шаре! Ну о чём ты говоришь!

Ирисса подошла, села у ног сестры, погладила её по колену.

— Это всё так странно, Рис... Это всё не так, как я себе представляла. Не так, как у тебя с Виком.

— Ну конечно! Ты представляла себе сказки, а тебе достался живой человек. Не самый простой живой человек. И конечно, все люди разные, даже родные. Ну ты посмотри на нас с тобой! И ещё добавь Азалию! Представь, кто-то познакомится с ней и будет думать, что у нас вся семья такая — язвительные грубиянки. У тебя с Джоном всё будет хорошо, даже не сомневайся! Просто будь собой — будь нашим чудесным беззаботным огоньком!

Лилея кивнула, они с сестрой обнялись, а потом она пошла в свою половину дома плакать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.